

Ханс Кристиан
Андерсен

СКАЗКИ

Иллюстрации Никки Тольи

Ганс Христиан Андерсен

Сказки

Серия «Лучшие сказки мира (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42847108

Сказки. Рисунки Нику Гольц / Х. К. Андерсен: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-113448-8

Аннотация

Ханс Кристиан Андерсен (1805–1875) завоевал всемирную любовь благодаря своим сказкам, которые, как он сам утверждал, были написаны для взрослых. Однако не только взрослым, но и детям они очень понравились. В книгу вошли «Гадкий утёнок», «Огниво», «Свинопас», «Дикие лебеди» и многие другие известные сказки. Их проиллюстрировала Ника Гольц (1925–2012) – заслуженный художник Российской Федерации и обладатель диплома Х.К. Андерсена. Благодаря художнику даже самая страшная сказка приобрела добрые и светлые очертания, а отрицательные персонажи сказок получились не отпугивающими. За удивительную способность проникаться чувством глубокого уважения к маленькому читателю Нику Гольц полюбили читатели всех возрастов.

Содержание

Принцесса на горошине	6
Соловей	12
Стойкий оловянный солдатик	35
Дикие лебеди	45
Конец ознакомительного фрагмента.	57

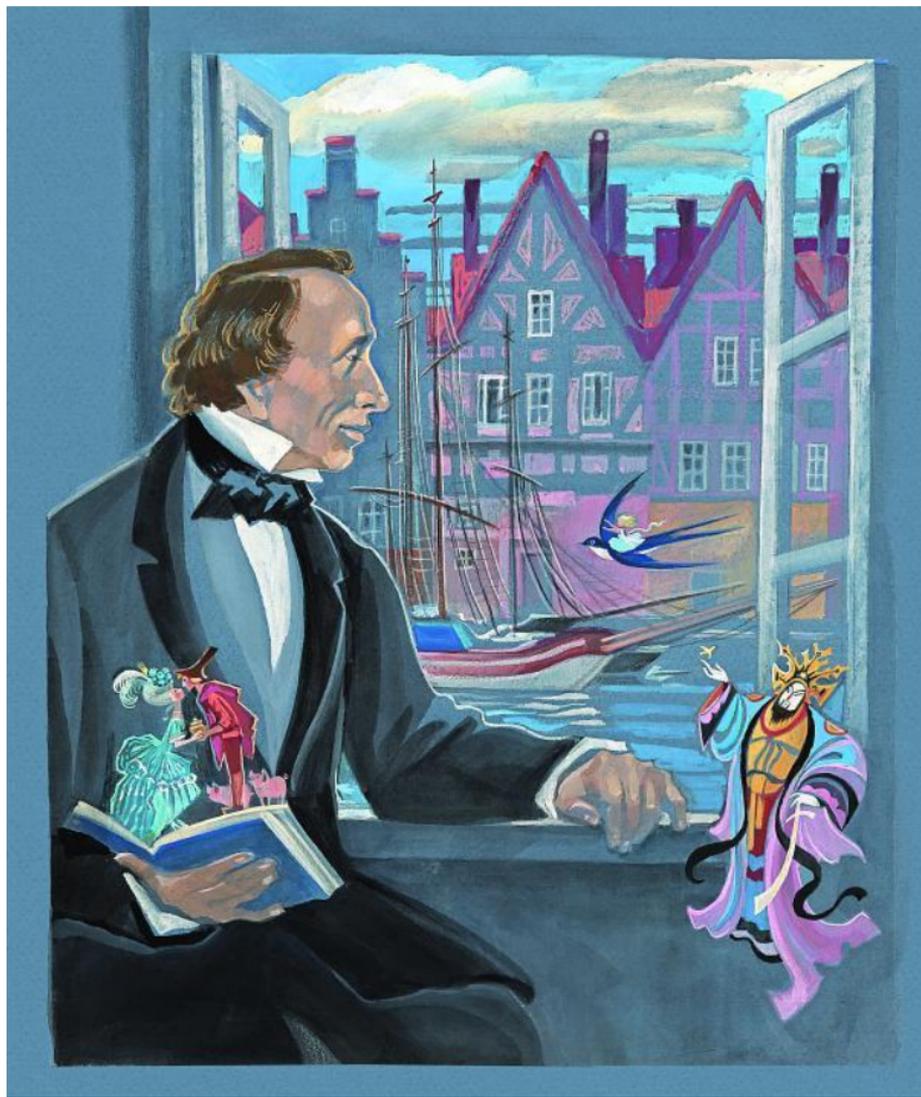
Ханс Кристиан Андерсен

Сказки

© Яхнина Ю. Я., перевод, насл., 2019

© Гольц Н. Г., ил., насл., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Принцесса на горошине

Жил-был принц, и хотелось ему взять за себя тоже принцессу, только настоящую. Вот он и объездил весь свет, а таковой что-то не находилось. Принцесс-то было вволю, да были ли они настоящие? Этого он никак узнать не мог; так и вернулся домой ни с чем и очень горевал, – уж очень ему хотелось достать настоящую принцессу.

Раз вечером разыгралась непогода: молния так и сверкала, гром гремел, а дождь лил как из ведра; ужас что такое!

Вдруг в городские ворота постучали, и старый король пошёл отворять.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на что она была похожа! Вода бежала с её волос и платья прямо в носки баш-

маков и вытекала из пяток, а она всё-таки уверяла, что она настоящая принцесса!

«Ну, уж это мы узнаем!» – подумала старая королева, но не сказала ни слова и пошла в спальню. Там она сняла с постели все тюфяки и подушки и положила на доски горошину; поверх горошины постлала двадцать тюфяков, а ещё сверху двадцать пуховиков. На эту постель и уложили принцессу на ночь. Утром её спросили, как она почивала.

– Ах, очень дурно! – сказала принцесса. – Я почти глаз не сомкнула! Бог знает, что у меня была за постель! Я лежала на чём-то таком твёрдом, что у меня всё тело теперь в синяках! Просто ужасно!

Тут-то все и увидели, что она была настоящею принцессой! Она почувствовала горошину через сорок тюфяков и пуховиков, – такую деликатною особой могла быть только настоящая принцесса.

И принц женился на ней. Теперь он знал, что берёт за себя настоящую принцессу! А горошину отправили в кунсткамеру; там она и лежит, если только никто её не украл. Знай, что история эта истинная!

Соловей

В Китае, как ты знаешь, и сам император и все его подданные – китайцы. Дело было давно, но потому-то и стоит о нём послушать, пока оно не забудется совсем!

В целом мире не нашлось бы дворца лучше императорского; он весь был из драгоценного фарфора, зато такой хруп-

кий, что страшно было до него дотронуться. В саду росли чудеснейшие цветы; к самым лучшим из них были привязаны серебряные колокольчики; звон их должен был обращать на цветы внимание каждого прохожего. Вот как тонко было придумано! Сад тянулся далеко-далеко, так далеко, что и сам садовник не знал, где он кончается. Из сада можно было попасть прямо в густой лес; в чаще его таились глубокие озёра, и доходил он до самого синего моря. Корабли проплывали под нависшими над водой вершинами деревьев, и в ветвях их жил соловей, который пел так чудесно, что его заслушивался, забывая о своём неводе, даже бедный, удручённый заботами рыбак. «Господи, как хорошо!» – вырывалось наконец у рыбака, но потом бедняк опять принимался за своё дело и забывал о соловье, на следующую ночь снова заслушивался его и снова повторял то же самое: «Господи, как хорошо!»

Со всех концов света стекались в столицу императора путешественники; все они дивились на великолепный дворец и на сад, но, услышав соловья, говорили: «Вот это лучше всего!»

Возвращаясь домой, путешественники рассказывали обо всём виденном; учёные описывали столицу, дворец и сад императора, но не забывали упомянуть и о соловье и даже ставили его выше всего; поэты слагали в честь крылатого певца, жившего в лесу, на берегу синего моря, чудеснейшие стихи.

Книги расходились по всему свету, и вот некоторые из них

дошли и до самого императора. Он восседал в своем золотом кресле, читал-читал и поминутно кивал головой – ему очень приятно было читать похвалы своей столице, дворцу и саду. «Но соловей лучше всего!» – стояло в книге.

– Что такое? – удивился император. – Соловей? А я ведь и не знаю его! Как? В моём государстве и даже в моём собственном саду живёт такая удивительная птица, а я ни разу и не слышал о ней! Пришлось вычитать о ней из книг!

И он позвал к себе первого из своих приближённых; а тот напускал на себя такую важность, что, если кто-нибудь из людей попроче осмеливался заговорить с ним или спросить его о чём-нибудь, отвечал только: «Пф!» – а это ведь ровно ничего не означает.

– Оказывается, у нас здесь есть замечательная птица, по имени соловей. Её считают главной достопримечательностью моего великого государства! – сказал император. – Почему же мне ни разу не доложили о ней?

– Я даже и не слышал о ней! – отвечал первый приближённый. – Она никогда не была представлена ко двору!

– Я желаю, чтобы она была здесь и пела предо мною сегодня же вечером! – сказал император. – Весь свет знает, что у меня есть, а сам я не знаю!

– И не слыхивал о такой птице! – повторил первый приближённый. – Но я разыщу её!

Легко сказать! А где её разыщешь?

Первый приближённый императора бегал вверх и вниз по

лестницам, по залам и коридорам, но никто из встречных, к кому он ни обращался с расспросами, и не слыхивал о соловье. Первый приближённый вернулся к императору и доложил, что соловья-де, верно, выдумали книжные сочинители.

– Ваше величество не должны верить всему, что пишут в книгах: всё это одни выдумки, так сказать, чёрная магия!..

– Но ведь эта книга прислана мне самим могущественнейшим императором Японии, и в ней не может быть неправды! Я хочу слышать соловья! Он должен быть здесь сегодня же вечером! Я объявляю ему мое высочайшее благоволение! Если же его не будет здесь в назначенное время, я прикажу после ужина всех придворных бить палками по животу!

– Тзинг-пе! – сказал первый приближённый и опять забежал вверх и вниз по лестницам, по коридорам и залам; с ним бегала и добрая половина придворных, – никому не хотелось отведать палок. У всех на языке был один вопрос: что это за соловей, которого знает весь свет, а при дворе ни одна душа не знает.

Наконец на кухне нашли одну бедную девочку, которая сказала:

– Господи! Как не знать соловья! Вот уж поёт-то! Мне позволено относить по вечерам моей бедной больной матушке остатки от обеда. Живёт матушка у самого моря, и вот, когда я иду назад и сяду отдохнуть в лесу, я каждый раз слышу пение соловья! Слезы так и потекут у меня из глаз, а на душе станет так радостно, словно матушка целует меня!..

– Кухарочка! – сказал первый приближённый императора. – Я определю тебя на штатную должность при кухне и выхлопочу тебе позволение посмотреть, как кушает император, если ты сведёшь нас к соловью! Он приглашён сегодня вечером ко двору!

И вот все отправились в лес, где обыкновенно распевал соловей; отправилась туда чуть не половина всех придворных. Шли, шли, вдруг замычала корова.

– О! – сказали молодые придворные. – Вот он! Какая, однако, сила! И это у такого маленького создания! Но мы положительно слышали его раньше!

– Это мычит корова! – сказала девочка. – Нам ещё далеко до места.

В пруду заквакали лягушки.

– Чудесно! – сказал придворный бонза. – Теперь я слышу! Точь-в-точь наши колокольчики в молельне!

– Нет, это лягушки! – сказала опять девочка. – Но теперь, я думаю, скоро услышим и его!

И вот запел соловей.

– Вот это соловей! – сказала девочка. – Слушайте, слушайте!

А вот и он сам! – И она указала пальцем на маленькую серенькую птичку, сидевшую в ветвях.

– Неужели! – сказал первый приближённый императора. – Никак не воображал себе его таким! Самая простая наружность!

Верно, он потерял все свои краски при виде стольких знатных особ!

– Соловушка! – громко закричала девочка. – Наш милостивый император желает послушать тебя!

– Очень рад! – ответил соловей и запел так, что просто чудо.

– Словно стеклянные колокольчики звенят! – сказал первый приближённый. – Смотрите, как трепещет это маленькое горлышко! Удивительно, что мы ни разу не слышали его раньше! Он будет иметь огромный успех при дворе!

– Спеть ли мне императору ещё? – спросил соловей. Он

думал, что тут был и сам император.

– Несравненный соловушка! – сказал первый приближённый императора. – На меня возложено приятное поручение пригласить вас на имеющий быть сегодня вечером придворный праздник. Не сомневаюсь, что вы очаруете его величество своим дивным пением!

– Пение моё гораздо лучше слушать в зелёном лесу! – сказал соловей, но, узнав, что император пригласил его во дворец, охотно согласился туда отправиться.

При дворе шли приготовления к празднику. В фарфоровых стенах и в полу сияли отражения бесчисленных золотых фонариков; в коридорах рядами были расставлены чудеснейшие цветы с колокольчиками, которые от всей этой беготни, стукотни и сквозняка звенели так, что не слышно было человеческого голоса. Посреди огромной залы, где сидел император, возвышался золотой шест для соловья. Все придворные были в полном сборе; позволили стоять в дверях и кухарочке, – теперь ведь она получила звание придворной поварихи. Все были разодеты в пух и прах и глаз не сводили с маленькой серенькой птички, которой император милостиво кивнул головой.

И соловей запел так дивно, что у императора выступили на глазах слёзы и покатались по щекам. Тогда соловей залился ещё громче, ещё слаще; пение его так и хватало за сердце. Император был очень доволен и сказал, что жалует соловью свою золотую туфлю на шею. Но соловей поблагодарил и от-

казался, говоря, что довольно награждён и без того.

– Я видел на глазах императора слёзы – какой ещё награды желать мне! В слезах императора дивная сила! Видит Бог – я награждён с избытком!

И опять зазвучал его чудный, сладкий голос.

– Вот самое очаровательное кокетство! – сказали придворные дамы и стали набирать в рот воды, чтобы она булькала у них в горле, когда они будут с кем-нибудь разговари-

вать. Этим они думали походить на соловья. Даже слуги и служанки объявили, что очень довольны, а это ведь много значит: известно, что труднее всего угодить этим особам. Да, соловей положительно имел успех.

Его оставили при дворе, отвели ему особую комнатку, разрешили гулять на свободе два раза в день и раз ночью и представили к нему двенадцать слуг; каждый держал его за привязанную к его лапке шёлковую ленточку. Большое удовольствие было от такой прогулки!

Весь город заговорил об удивительной птице, и если встречались на улице двое знакомых, один сейчас же говорил: «соло», а другой подхватывал: «вей», после чего оба вздыхали, сразу поняв друг друга.

Одиннадцать сыновей мелочных лавочников получили имена в честь соловья, но ни у одного из них не было и признака голоса.

Раз императору доставили большой пакет с надписью: «Соловей».

– Ну, вот ещё новая книга о нашей знаменитой птице! – сказал император.

Но то была не книга, а затейливая штучка: в ящике лежал искусственный соловей, похожий на настоящего, но весь осыпанный бриллиантами, рубинами и сапфирами. Стоило завести птицу – и она начинала петь одну из мелодий настоящего соловья и поводить хвостиком, который отливал золотом и серебром. На шейке у птицы была ленточка с над-

писью: «Соловей императора японского жалок в сравнении с соловьём императора китайского».

– Какая прелесть! – сказали все придворные, и явившегося с птицей посланца императора японского сейчас же утвердили в звании «чрезвычайного императорского поставщика соловьёв».

– Теперь пусть-ка споют вместе, вот будет дуэт!

Но дело не пошло на лад: настоящий соловей пел по-своему, а искусственный – как заведённая шарманка.

– Это не его вина! – сказал придворный капельмейстер. – Он безукоризненно держит такт и поёт совсем по моей методе.

Искусственного соловья заставили петь одного. Он имел такой же успех, как настоящий, но был куда красивее, весь так и блестел драгоценностями!

Тридцать три раза пропел он одно и то же и не устал. Окружающие охотно послушали бы его ещё раз, да император нашёл, что надо заставить спеть и живого соловья. Но куда же он девался?

Никто и не заметил, как он вылетел в открытое окно и унёсся в свой зелёный лес.

– Что же это, однако, такое! – огорчился император, а придворные называли соловья неблагодарной тварью.

– Лучшая-то птица у нас всё-таки осталась! – сказали они, и искусственному соловью пришлось петь то же самое в тридцать четвёртый раз.

Никто, однако, не успел ещё выучить мелодии наизусть, такая она была трудная. Капельмейстер расхваливал искусственную птицу и уверял, что она даже выше настоящей не только платьем и бриллиантами, но и по внутренним своим достоинствам.

– Что касается живого соловья, высокий повелитель мой и вы, милостивые господа, то никогда ведь нельзя знать заранее, что именно споет он, у искусственного же всё известно наперёд! Можно даже отдать себе полный отчёт в его искусстве, можно разобрать его и показать все его внутреннее устройство – плод человеческого ума, расположение и действие валиков, всё, всё!

– Я как раз того же мнения! – сказал каждый из присутствовавших, и капельмейстер получил разрешение показать птицу в следующее же воскресенье народу.

– Надо и народу послушать её! – сказал император.

Народ послушал и был очень доволен, как будто вдосталь напился чаю, – это ведь совершенно по-китайски. От восторга все в один голос восклицали:

«О!», поднимали вверх указательные пальцы и кивали головами. Но бедные рыбаки, слышавшие настоящего соловья, говорили:

– Недурно и даже похоже, но всё-таки не то! Чего-то недостаёт в его пении, а чего – мы и сами не знаем!

Живого соловья объявили изгнанным из пределов государства.

Искусственная птица заняла место на шёлковой подушке возле императорской постели. Кругом неё были разложены все пожалованные ей драгоценности. Величали же её теперь «императорского ночного столика первым певцом с левой стороны», – император считал более важною именно ту сторону, на которой находится сердце, а сердце находится слева даже у императора. Капельмейстер написал об искусственном соловье двадцать пять томов, учёных-преучёных и полных самых мудрёных китайских слов.

Придворные, однако, говорили, что читали и поняли всё, иначе ведь их прозвали бы дураками и отколотили палками по животу.

Так прошёл целый год; император, весь двор и даже весь народ знали наизусть каждую нотку искусственного соловья, но потому-то пение его им так и нравилось: они сами могли теперь подпевать птице. Уличные мальчишки пели: «Ци-ци-ци! Клюк-клюк-клюк!» Сам император напевал то же самое. Ну что за прелесть!

Но раз вечером искусственная птица только что распелась перед императором, лежавшим в постели, как вдруг внутри её зашипело, зажужжало, колеса закрутились, и музыка смолкла.

Император вскочил и послал за придворным медиком, но что же мог тот поделывать! Призвали часовщика, и этот после долгих разговоров и осмотров кое-как исправил птицу, но сказал, что с ней надо обходиться крайне бережно: зубчики поистерлись, а поставить новые так, чтобы музыка шла по-прежнему, верно, было нельзя. Вот так горе! Только раз в год позволили заводить птицу. И это было очень грустно, но капельмейстер произнёс краткую, зато полную мудрёных слов речь, в которой доказывал, что птица ничуть не сделалась хуже. Ну, значит, так оно и было. Прошло ещё пять лет, и страну постигло большое горе: все так любили императора, а он, как говорили, был при смерти. Провозгласили уже но-

вого императора, но народ толпился на улице и спрашивал первого приближённого императора о здоровье своего старого повелителя.

– Пф! – отвечал приближённый и покачивал головой.

Бледный, похолодевший лежал император на своём великолепном ложе; все придворные считали его умершим, и каждый спешил поклониться новому императору. Слуги бегали взад и вперёд, перебрасываясь новостями, а служанки проводили приятные часы в болтовне за чашкой чая. По всем залам и коридорам были разостланы ковры, чтобы не слышно было шума шагов, и во дворце стояла мёртвая тишина. Но император ещё не умер, хотя и лежал на своём великолепном ложе, под бархатным балдахином с золотыми кистями, совсем недвижимый и мертвенно-бледный. Сквозь раскрытое окно глядел на императора и искусственного соловья ясный месяц.

Бедный император почти не мог вздохнуть, и ему казалось, что Кто-то сидит у него на груди. Он приоткрыл глаза и увидел, что на груди у него сидела Смерть. Она надела на себя корону императора, забрала в одну руку его золотую саблю, а в другую – богатое знамя. Из складок бархатного балдахина выглядывали какие-то странные лица: одни гадкие и мерзкие, другие добрые и милые. То были злые и добрые дела императора, смотревшие на него, в то время как Смерть сидела у него на груди.

– Помнишь это? – шептали они по очереди. – Помнишь

это? – и рассказывали ему так много, что на лбу у него выступал холодный пот.

– Я и не знал об этом! – говорил император. – Музыка сюда, музыку! Большие китайские барабаны! Я не хочу слышать их речей!

Но они всё продолжали, а Смерть, как китаец, кивала на их речи головой.

– Музыка сюда, музыку! – кричал император. – Пой хоть ты, милая, славная золотая птичка! Я одарил тебя золотом и драгоценностями, я повесил тебе на шею свою золотую туплю, пой же, пой!

Но птица молчала – некому было завести её, а иначе она петь не могла. Смерть продолжала смотреть на императора своими большими пустыми глазницами. В комнате было тихо-тихо.

Вдруг за окном раздалось чудное пение. То прилетел, узнав о болезни императора, утешить и ободрить его живой соловей. Он пел, и призраки всё бледнели, кровь прилиwała к сердцу императора всё быстрее; сама Смерть заслушалась соловья и всё повторяла: «Пой, пой ещё, соловушка!»

– А ты отдашь мне за это драгоценную саблю? А дорогое знамя? А корону? – спрашивал соловей.

И Смерть отдавала одну драгоценность за другую, а соловей всё пел. Вот он запел, наконец, о тихом кладбище, где цветут белые розы, благоухает бузина и свежая трава орошается слезами живых, оплакивающих усопших... Смерть

вдруг охватила такая тоска по своему саду, что она свилась в белый холодный туман и вылетела в окно.

– Спасибо, спасибо тебе, милая птичка! – сказал император. – Я помню тебя! Я изгнал тебя из моего государства, а ты отогнала от моей постели ужасные призраки, отогнала саму Смерть! Чем мне вознаградить тебя?

– Ты уже вознаградил меня раз и навсегда! – сказал соловей. – Я видел слёзы на твоих глазах в первый раз, как пел перед тобою, – этого я не забуду никогда! Слёзы – вот драгоценнейшая награда для сердца певца. Но засни теперь и просыпайся здоровым и бодрым! Я буду баюкать тебя своею песней!

И он запел опять, а император заснул здоровым, благодатным сном.

Когда он проснулся, в окна уже светило солнце. Никто из его слуг не заглядывал к нему; все думали, что он умер, один соловей сидел у окна и пел.

– Ты должен остаться у меня навсегда! – сказал император. – Ты будешь петь, только когда сам захочешь, а искусственную птицу я разобью вдребезги!

– Не надо! – сказал соловей. – Она принесла столько пользы, сколько могла! Пусть она остаётся у тебя по-прежнему! Я же не могу жить во дворце. Позволь мне только прилетать к тебе, когда захочу. Тогда я каждый вечер буду садиться у твоего окна и петь тебе; моя песня и порадует тебя, и заставит задуматься. Я буду петь тебе о счастливых и о несчастных, о добре и о зле, что таятся вокруг тебя. Маленькая пев-

чая птичка летает повсюду, залетает и под крышу бедного рыбака и крестьянина, которые живут вдали от тебя. Я люблю тебя за твоё сердце больше, чем за твою корону, и всё же корона окружена каким-то особым священным обаянием! Я буду прилетать и петь тебе! Но обещай мне одно!..

– Всё! – сказал император и встал во всём своём царственном величии; он успел надеть на себя своё императорское одеяние и прижимал к сердцу тяжёлую золотую саблю.

– Об одном прошу я тебя – не говори никому, что у тебя есть маленькая птичка, которая рассказывает тебе обо всём. Так дело пойдёт лучше!

И соловей улетел.

Слуги вошли поглядеть на мёртвого императора и застыли на пороге, а император сказал им:

– С добрым утром!

Стойкий оловянный солдатик

Было когда-то двадцать пять оловянных солдатиков, родных братьев по матери – старой оловянной ложке; ружьё на плече, голова прямо, красный с синим мундир – ну, прелесть что за солдаты! Первые слова, которые они услышали, когда открыли их домик-коробку, были: «Ах, оловянные солдатик-ки!» Это закричал, хлопая в ладоши, маленький мальчик, которому подарили оловянных солдатиков в день его рождения. И он сейчас же принялся расставлять их на столе. Все солдатик-ки были совершенно одинаковы, кроме одного, который был с одной ногой. Его отливали последним, и олова немножко не хватило, но он стоял на своей одной ноге так же твёрдо, как другие на двух; и он-то как раз и оказался самым

замечательным из всех.

На столе, где очутились солдатики, было много разных игрушек, но больше всего бросался в глаза чудесный дворец из картона. Сквозь маленькие окна можно было видеть дворцовые покои; перед самым дворцом, вокруг маленького зеркала, которое изображало озеро, стояли деревца, а по озеру плавали и любовались своим отражением восковые лебеди. Всё это было чудо как мило, но милее всего была барышня, стоявшая на самом пороге дворца. Она тоже была вырезана из бумаги и одета в юбочку из тончайшего батиста; через плечо у неё шла узенькая голубая ленточка в виде шарфа, а на груди сверкала розетка величиною с лицо самой барышни. Барышня стояла на одной ножке, вытянув руки, – она была танцовщицей, – а другую ногу подняла так высоко, что наш солдатик её и не увидел, и подумал, что красавица тоже одноногая, как он.

«Вот бы мне такую жену! – подумал он. – Только она, как

видно, из знатных, живёт во дворце, а у меня только и есть, что коробка, да и то в ней нас набито двадцать пять штук, ей там не место! Но познакомиться всё же не мешает».

И он притаился за табакеркой, которая стояла тут же на столе; отсюда ему отлично было видно прелестную танцовщицу, которая всё стояла на одной ноге, не теряя равновесия.

Поздно вечером всех других оловянных солдатиков уложили в коробку, и все люди в доме легли спать. Теперь игрушки сами стали играть в гости, в войну и в бал. Оловянные солдатки принялись стучать в стенки коробки – они тоже хотели играть, да не могли приподнять крышки. Щелкунчик кувыркался, грифель плясал по доске; поднялся такой шум и гам, что проснулась канарейка и тоже заговорила, да ещё стихами! Не трогались с места только танцовщица и оловянный солдатик: она по-прежнему держалась на вытянутом носке, простирая руки вперёд, он бодро стоял под ружьём и не сводил с неё глаз.

Пробило двенадцать. Щёлк! – табакерка раскрылась.

Там не было табаку, а сидел маленький чёрный тролль; табакерка-то была с фокусом!

– Оловянный солдатик, – сказал тролль, – нечего тебе заглядываться!

Оловянный солдатик будто и не слышал.

– Ну постой же! – сказал тролль.

Утром дети встали и оловянного солдатика поставили на

окно.

Вдруг – по милости ли тролля или от сквозняка – окно распахнулось, и наш солдатик полетел головой вниз с третьего этажа, – только в ушах засвистело! Минута – и он уже стоял на мостовой кверху ногой: голова его в каске и ружьё застряли между камнями мостовой.

Мальчик и служанка сейчас же выбежали на поиски, но, сколько ни старались, найти солдатика не могли; они чуть не наступали на него ногами и всё-таки не замечали его. Закричи он им: «Я тут!» – они, конечно, сейчас же нашли бы его, но он считал неприличным кричать на улице: он ведь носил мундир!

Начал накрапывать дождик; сильнее, сильнее, наконец хлынул ливень. Когда опять прояснилось, пришли двое уличных мальчишек.

– Гляди! – сказал один. – Вон оловянный солдатик! Отправим его в плавание!

И они сделали из газетной бумаги лодочку, посадили туда оловянного солдатика и пустили в канаву. Сами мальчишки бежали рядом и хлопали в ладоши. Ну и ну! Вот так волны ходили по канавке! Течение так и несло, – не мудрено после такого ливня!

Лодочку бросало и вертело во все стороны, так что оловянный солдатик весь дрожал, но он держался стойко: ружьё на плече, голова прямо, грудь вперёд!

Лодку понесло под длинные мостки: стало так темно, точ-

но солдатик опять попал в коробку.

«Куда меня несёт? – думал он. – Да, это всё шутки гадкого тролля! Ах, если бы со мною в лодке сидела та красавица – по мне, будь хоть вдвое темнее!»

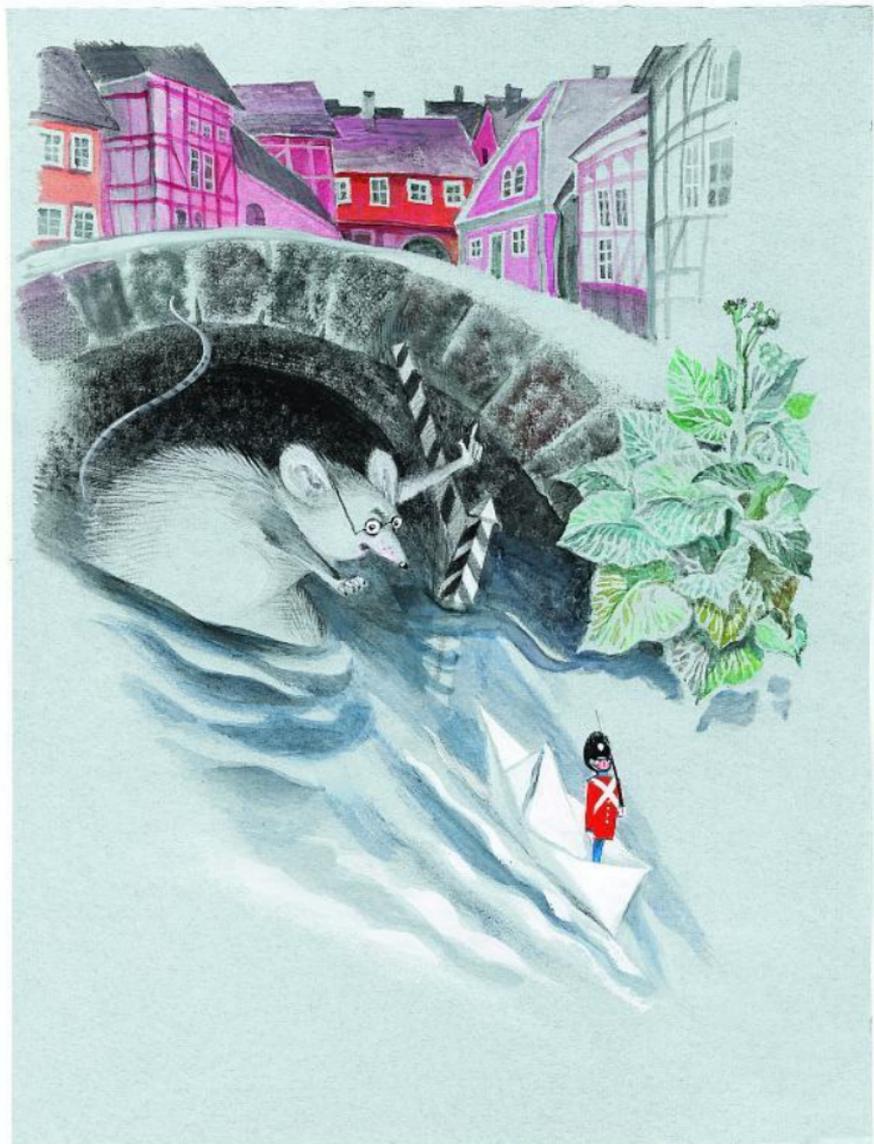
В эту минуту из-под мостков выскочила большая крыса.

– Паспорт есть? – спросила она. – Давай паспорт!

Но оловянный солдатик молчал и ещё крепче сжимал ружье. Лодку несло, а крыса плыла за ней вдогонку. У! Как она скрежетала зубами и кричала плывущим навстречу щепкам и соломинкам:

– Держи, держи его! Он не внёс пошлины, не показал паспорта!

Но течение несло лодку всё быстрее и быстрее, и оловянный солдатик уже видел впереди свет, как вдруг услышал такой страшный шум, что струсил бы любой храбрец. Представьте себе, у конца мостика вода из канавки устремлялась в большой канал! Это было для солдатика так же страшно, как для нас нестись на лодке к большому водопаду.

Но солдатика несло всё дальше, остановиться было нельзя. Лодка с солдатиком скользнула вниз; бедняга держался попрежнему стойко и даже глазом не моргнул. Лодка завертелась... Раз, два – наполнилась водой до краёв и стала тонуть. Оловянный солдатик очутился по горло в воде; дальше больше... вода покрыла его с головой! Тут он подумал о своей красавице: не видать ему её больше. В ушах у него звучало:

Вперёд стремись, о воин,
И смерть спокойно встретить!

Бумага разорвалась, и оловянный солдатик пошёл было ко дну, но в ту же минуту его проглотила рыба.

Какая темнота! Хуже, чем под мостками, да ещё страх как тесно! Но оловянный солдатик держался стойко и лежал, вытянувшись во всю длину, крепко прижимая к себе ружьё.

Рыба металась туда и сюда, выделяла самые удивительные скачки, но вдруг замерла, точно в неё ударила молния. Блеснул свет, и кто-то закричал: «Оловянный солдатик!» Дело в том, что рыбу поймали, свезли на рынок, потом она попала на кухню, и кухарка распорола ей брюхо большим ножом. Кухарка взяла оловянного солдатика двумя пальцами за талию и понесла в комнату, куда сбежались посмотреть на замечательного путешественника все домашние. Но оловянный

ный солдатик ничуть не загордился. Его поставили на стол, и – чего-чего не бывает на свете! – он оказался в той же самой комнате, увидел тех же детей, те же игрушки и чудесный дворец с прелестной маленькой танцовщицей! Она по-прежнему стояла на одной ножке, высоко подняв другую. Вот так стойкость! Оловянный солдатик был тронут и чуть не заплакал оловом, но это было бы неприлично, и он удержался. Он смотрел на неё, она на него, но они не обмолвились ни словом.

Вдруг один из мальчиков схватил оловянного солдатика и ни с того ни с сего швырнул его прямо в печку. Наверное, это всё тролль подстроил! Оловянный солдатик стоял охваченный пламенем: ему было ужасно жарко, от огня или от любви – он и сам не знал. Краски с него совсем слезли, он весь полинял; кто знает отчего – от дороги или от горя? Он смотрел на танцовщицу, она на него, и он чувствовал, что тает, но всё ещё держался стойко, с ружьём на плече. Вдруг дверь в комнате распахнулась, ветер подхватил танцовщицу, и она, как сильфида, порхнула прямо в печку к оловянному солдатiku, вспыхнула разом и – конец! А оловянный солдатик растаял и сплавился в комочек.

На другой день горничная выгребала из печки золу и нашла маленькое оловянное сердечко; от танцовщицы же осталась одна розетка, да и та вся обгорела и почернела, как уголь.

Дикие лебеди

Далеко-далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. У него было одиннадцать сыновей и одна дочка, Элиза. Одиннадцать братьев-принцев уже ходили в школу; на груди у каждого красовалась звезда, а сбоку гремела сабля; писали они на золотых досках алмазными грифельными и отлично умели читать, хоть по книжке, хоть наизусть – всё равно. Сразу было слышно, что читают настоящие принцы! Сестрица их Элиза сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, за которую было заплачено полкоролевства.

Да, хорошо жилось детям, только недолго!

Отец их, король той страны, женился на злой королеве, которая невзлюбила бедных детей. Им пришлось испытать это в первый же день: во дворце шло веселье, и дети затеяли игру в гости, но мачеха вместо разных пирожных и печёных яблок, которых они всегда получали вдоволь, дала им чайную чашку песка и сказала, что они могут представить себе, будто это угощение.

Через неделю она отдала сестрицу Элизу на воспитание в деревню каким-то крестьянам, а прошло ещё немного времени, и она успела столько наговорить королю о бедных принцах, что он больше и видеть их не хотел.

– Летите-ка подобру-поздорову на все четыре стороны! – сказала злая королева. – Летите большими птицами без голоса и промышляйте о себе сами!

Но она не могла сделать им такого зла, как бы ей хотелось, – они превратились в одиннадцать прекрасных диких лебедей, с криком вылетели из дворцовых окон и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда они пролетали мимо избы, где спала ещё крепким сном их сестрица Элиза. Они принялись летать над крышей, вытягивали свои гибкие шеи и хлопали крыльями, но никто не слышал и не видел их; так им и пришлось улететь ни с чем. Высоко-высоко взвились они к самым облакам и полетели в большой, тёмный лес, что тянулся до самого моря.

Бедняжка Элиза стояла в крестьянской избе и играла зелёным листочком – других игрушек у неё не было; она проткнула в листке дырочку, смотрела сквозь неё на солнышко, и ей казалось, что она видит ясные глаза своих братьев; когда же тёплые лучи солнца скользили по её щеке, она вспоминала их нежные поцелуи.

Дни шли за днями, один как другой. Колыхал ли ветер розовые кусты, росшие возле дома, и шептал розам: «Есть ли кто-нибудь красивее вас?» – розы качали головками и говорили: «Элиза красивее». Сидела ли в воскресный день у дверей своего домика какая-нибудь старушка, читавшая Псалтырь, а ветер переворачивал листы, говоря книге: «Есть ли кто набожнее тебя?» – книга отвечала: «Элиза набожнее!» И розы и Псалтырь говорили сухую правду.

Но вот Элизе минуло пятнадцать лет, и её отправили до-

мой. Увидав, какая она хорошенькая, королева разгневалась и возненавидела падчерицу. Она с удовольствием превратила бы её в дикого лебедя, да нельзя было сделать этого сейчас же, потому что король хотел видеть свою дочь.

И вот рано утром королева пошла в мраморную, всю убранную чудными коврами и мягкими подушками купальню, взяла трёх жаб, поцеловала каждую и сказала первой:

– Сядь Элизе на голову, когда она войдёт в купальню; пусть она станет такую же тупой и ленивой, как ты! А ты сядь ей на лоб! – сказала она другой. – Пусть Элиза будет такой же безобразной, как ты, и отец не узнает её! Ты же ляг ей на сердце! – шепнула королева третьей жабе. – Пусть она станет злонравной и мучается от этого!

Затем она спустила жаб в прозрачную воду, и вода сейчас же вся позеленела. Позвав Элизу, королева раздела её и велела ей войти в воду. Элиза послушалась, и одна жаба села ей на темя, другая на лоб, а третья на грудь; но Элиза даже не заметила этого, и, как только вышла из воды, по воде поплыли три красных мака. Если бы жабы не были отравлены поцелуем ведьмы, они превратились бы, полежав у Элизы на голове и на сердце, в красные розы; девушка была так набожна и невинна, что колдовство никак не могло подействовать на неё.

Увидав это, злая королева натёрла Элизу соком грецкого ореха, так что она стала совсем коричневой, вымазала ей личико вонючей мазью и спутала её чудные волосы. Теперь

нельзя было и узнать хорошенькую Элизу. Даже отец её испугался и сказал, что это не его дочь. Никто не признавал её, кроме цепной собаки да ласточек, но кто же стал бы слушать бедных тварей!

Заплакала Элиза и подумала о своих выгнанных братьях, тайком ушла из дворца и целый день брела по полям и болотам, пробираясь к лесу. Элиза и сама хорошенько не знала, куда надо ей идти, но так истосковалась по своим братьям, которые тоже были изгнаны из родного дома, что решила искать их повсюду, пока не найдёт.

Недолго пробыла она в лесу, как уже настала ночь, и Элиза совсем сбилась с дороги; тогда она улеглась на мягкий мох, прочла молитву на сон грядущий и склонила голову на пень. В лесу стояла тишина, воздух был такой тёплый, в траве мелькали, точно зелёные огоньки, сотни светлячков, а когда Элиза задела рукой за какой-то кустик, они посыпались в траву звёздным дождём.

Всю ночь снились Элизе братья: все они опять были детьми, играли вместе, писали грифелями на золотых досках и рассматривали чудеснейшую книжку с картинками, которая стояла полкоролевства. Но писали они на досках не чёрточки и нулики, как бывало прежде, – нет, они описывали всё, что видели и пережили. Все картины в книжке были живые: птицы распевали, а люди сходили со страниц и разговаривали с Элизой и её братьями; но стоило ей захотеть перевернуть лист, – они впрыгивали обратно, иначе в картинках

вышла бы путаница.

Когда Элиза проснулась, солнышко стояло уже высоко; она даже не могла хорошенько видеть его за густой листвой деревьев, но отдельные лучи его пробирались между ветвями и бегали золотыми зайчиками по траве; от зелени шёл чудный запах, а птички чуть не садились Элизе на плечи. Невдалеке слышалось журчание источника; оказалось, что тут бежало несколько больших ручьёв, вливавшихся в пруд с чудным песчаным дном. Пруд был окружён живой изгородью, но в одном месте дикие олени проломали для себя широкий проход, и Элиза могла спуститься к самой воде. Вода в пруду была чистая и прозрачная; не шевели ветер ветвей деревьев и кустов, можно было бы подумать, что и деревья и кусты нарисованы на дне, так ясно они отражались в зеркале вод.

Увидав в воде своё лицо, Элиза совсем перепугалась, такое оно было чёрное и гадкое; но вот она зачерпнула горстью воды, потёрла глаза и лоб, и опять заблестела её белая нежная кожа. Тогда Элиза разделась совсем и вошла в прохладную воду. Такой хорошенькой принцессы поискать было по белу свету!

Одевшись и заплетя свои длинные волосы, она пошла к журчащему источнику, напилась воды прямо из пригоршни и потом пошла дальше по лесу, сама не зная куда. Она думала о своих братьях и надеялась, что Бог не покинет её: это он ведь повелел расти диким лесным яблокам, чтобы напитать

ими голодных; он же указал ей одну из таких яблонь, ветви которой гнулись от тяжести плодов. Утолив голод, Элиза подперла ветви палочками и углубилась в самую чащу леса. Там стояла такая тишина, что Элиза слышала свои собственные шаги, слышала шуршанье каждого сухого листка, попадавшегося ей под ноги. Ни единой птички не залетало в эту глушь, ни единый солнечный луч не проскальзывал сквозь сплошную чащу ветвей. Высокие стволы стояли плотными рядами, точно бревенчатые стены; никогда ещё Элиза не чувствовала себя такой одинокой.

Ночью стало ещё темнее; во мху не светилося ни единого светлячка. Печально улеглась Элиза на траву, и вдруг ей показалось, что ветви над ней раздвинулись и на неё глянул добрыми очами сам Господь Бог; маленькие ангелочки выглядывали из-за его головы и из-под рук.

Проснувшись утром, она и сама не знала, было ли то во

сне или наяву.

Отправившись дальше, Элиза встретила старушку с корзинкой ягод; старушка дала девушке горсточку ягод, а Элиза спросила её, не проезжали ли тут, по лесу, одиннадцать принцев.

– Нет, – сказала старушка, – но вчера я видела здесь на реке одиннадцать лебедей в золотых коронах.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала река. По обоим берегам росли деревья, простиравшие навстречу друг другу свои длинные, густо покрытые листьями ветви. Те из деревьев, которым не удавалось сплести своих ветвей с ветвями их братьев на противоположном берегу, так вытягивались над водой, что корни их вылезали из земли, и они всё же добивались своего.

Элиза простилась со старушкой и пошла к устью реки, впадавшей в открытое море.

И вот перед молодой девушкой открылось чудное безбрежное море, но на всём его просторе не виднелось ни одного паруса, не было ни единой лодочки, на которой бы она

могла пуститься в дальнейший путь. Элиза посмотрела на бесчисленные валуны, выброшенные на берег морем, – вода отшлифовала их так, что они стали совсем гладкими и круглыми. Все остальные выброшенные морем предметы: стекло, железо и камни – тоже носили следы этой шлифовки, а между тем вода была мягче нежных рук Элизы, и девушка подумала: «Волны неустанно катятся одна за другой и наконец шлифуют самые твёрдые предметы. Буду же и я трудиться неустанно! Спасибо вам за науку, светлые быстрые волны! Сердце говорит мне, что когда-нибудь вы отнесёте меня к моим милым братьям!»

На выброшенных морем сухих водорослях лежали одиннадцать белых лебединых перьев; Элиза собрала и связала их в пучок; на перьях ещё блестели капли – росы или слёз, кто знает? Пустынно было на берегу, но Элиза не чувствовала этого: море представляло собою вечное разнообразие; в несколько часов тут можно было насмотреться больше, чем в целый год где-нибудь на берегах пресных внутренних озёр. Если на небо надвигалась большая чёрная туча и ветер крепчал, море как будто говорило: «Я тоже могу почернеть!» – начинало бурлить, волноваться и покрывалось белыми барашками. Если же облака были розоватого цвета, а ветер спал, – море было похоже на лепесток розы; иногда оно становилось зелёным, иногда белым; но какая бы тишь ни стояла в воздухе и как бы спокойно ни было само море, у берега постоянно было заметно лёгкое волнение, – вода тихо взды-

малась, словно грудь спящего ребёнка.

Когда солнце было близко к закату, Элиза увидела вереницу летевших к берегу диких лебедей в золотых коронах; всех лебедей было одиннадцать, и летели они один за другим, вытянувшись длинной белой лентой. Элиза взобралась на верх обрыва и спряталась за куст. Лебеди спустились недалеко от неё и захлопали своими большими белыми крыльями.

В ту же самую минуту, как солнце скрылось под водой, оперение с лебедей вдруг спало, и на земле очутились одиннадцать красавцев принцев, Элизиных братьев! Элиза громко вскрикнула; она сразу узнала их, несмотря на то, что они успели сильно измениться; сердце подсказало ей, что это они! Она бросилась в их объятия, называла их всех по именам, а они-то как обрадовались, увидав и узнав свою сестрицу, которая так выросла и похорошела. Элиза и её братья смеялись и плакали и скоро узнали друг от друга, как скверно поступила с ними мачеха.

– Мы, братья, – сказал самый старший, – летаем в виде диких лебедей весь день, от восхода до самого заката солнечного; когда же солнце заходит, мы опять принимаем человеческий образ. Поэтому ко времени захода солнца мы всегда должны иметь под ногами твёрдую землю: случись нам превратиться в людей во время нашего полёта под облаками, мы тотчас же упали бы с такой страшной высоты. Живём же мы не тут; далеко-далеко за морем лежит такая же чудная страна, как эта, но дорога туда длинна, приходится переле-

тать через всё море, а по пути нет ни единого острова, где бы мы могли провести ночь. Только по самой середине моря торчит небольшой одинокий утёс, на котором мы кое-как и можем отдохнуть, тесно прижавшись друг к другу. Если море бушует, брызги воды перелетают даже через наши головы, но мы благодарим Бога и за такое пристанище: не будь его, нам вовсе не удалось бы навестить нашей милой родины – и теперь-то для этого перелёта нам приходится выбирать два самых длинных дня в году. Лишь раз в год позволено нам прилетать на родину; мы можем оставаться здесь одиннадцать дней и летать над этим большим лесом, откуда нам виден дворец, где мы родились и где живёт наш отец, и колокольня церкви, где покоится наша мать. Тут даже кусты и деревья кажутся нам родными; тут по равнинам по-прежнему бегают дикие лошади, которых мы видели в дни нашего детства, а угольщики по-прежнему поют те песни, под которые мы плясали детьми. Тут наша родина, сюда тянет нас всем сердцем, и здесь-то мы нашли тебя, милая, дорогая сестричка! Два дня ещё можем мы пробыть здесь, а затем должны улететь за море, в чудную, но не родную нам страну! Как же нам взять тебя с собой? У нас нет ни корабля, ни лодки!

– Как бы мне освободить вас от чар? – спросила братьев сестра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.